

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Артиллерійскій Журналъ», № 4.

Рѣдко можно встрѣтить артиллериста, который бы болѣе или менѣе энергически не возставалъ противъ принятой у насъ въ артиллеріи системы двухколесныхъ зарядныхъ ящиковъ и особенно противъ нашей троечной запряжки. Само собою разумѣется, что вопросъ этотъ не могъ ускользнуть отъ просвѣщеннаго вниманія нашего артиллерійскаго начальства, и вотъ, дѣйствительно, на разсмотрѣніе и обсужденіе артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета поступили два предложенія: объ измѣненіи парковой нашей повозки и о замѣнѣ двухколесныхъ зарядныхъ ящиковъ четырехколесными. Парковая наша повозка оказалась весьма неудобною еще въ послѣднюю войну, оконченную, какъ извѣстно, весною 1856 года. Что же сдѣлано до настоящаго времени для уничтоженія этихъ неудобствъ? А вотъ что: разсмотрѣны три повозки, которыми имѣлось въ виду, въ случаѣ возможности, замѣнить нашу парковую, а именно повозку нѣмецкихъ колонистовъ Таврической губерніи, повозку, проэктированную подполковникомъ Пашкевичемъ, и англійскую парковую повозку. Разсмотрѣніе это привело къ тому результату, что изъ всѣхъ трехъ повозокъ ни одна не удовлетворяетъ вполне условіямъ, требуемымъ отъ хорошей парковой повозки; но при этомъ замѣчательно, что производились полные опыты, и, притомъ, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, надъ повозкою подполковника Пашкевича, несмотря на то, что само отдѣленіе сознается, что мысль изобрѣтателя не заключается въ себѣ ничего новаго, что она была уже подвергнута у насъ однажды испытанію, которое дало самые неудовлетворительные результаты: зачѣмъ же было снова подвергать эту

мысль испытанію, тѣмъ болѣе, что оказалось еще, что повозка подполковника Пашкевича неудобна для употребленія въ подвижныхъ паркахъ уже потому, что не имѣетъ никакихъ приспособленій для удобной укладки и храненія разныхъ предметовъ, полагаемыхъ содержать въ этихъ паркахъ, а это, на сколько намъ кажется, можно бы видѣть и изъ детальныя чертежей повозки, не прибѣгая къ постройкѣ ея. Для полученія яснаго и опредѣлительнаго понятія объ англійской и колонистской повозкѣ, тоже, по нашему крайнему разумнію, незачѣмъ было прибѣгать къ покушкѣ и постройкѣ этихъ повозокъ: достаточно бы имѣть только хорошіе детальныя чертежи, и тогда, вѣроятно, опытный глазъ нашихъ артиллеристовъ сѣумѣлъ бы оцѣнить ея неудобства. Впрочемъ, мнѣніе наше — мнѣніе не-специалиста и вызвано единственно кажущеюся намъ возможностью болѣе быстрого хода дѣла объ измѣненіи нашей парковой повозки. Какъ бы то ни было, но, забравъ всѣ три вышеупомянутыя повозки, Артиллерійское отдѣленіе признало необходимымъ проектировать для подвижныхъ парковъ особую повозку. При составленіи чертежей этой повозки, отдѣленіе приняло въ соображеніе устройство колонистской и англійской повозокъ и, кромѣ того, устройство употребляемыхъ въ прусской артиллеріи *Leiterwagen* и во французской артиллеріи такъ называемой парковой повозки. Новая повозка заказана уже для образца въ С.-Петербургскомъ арсеналѣ и, по изготовленіи ея будетъ, конечно, подвергнута новой пробѣ. Она будетъ имѣть нижній ходъ одного только образца; но верхъ ея будетъ трехъ разныхъ видовъ: повозка съ брезентомъ, повозка съ крышею и повозка безъ короба. Главныя достоинства ея будутъ заключаться въ большей простотѣ устройства, въ большемъ увеличеніи внутренняго объема короба, въ сравнительно большей легкости на ходу, чѣмъ нынѣ существующая повозка. Но важнѣйшее улучшеніе въ ней — измѣненіе самой запряжки: новая повозка будетъ возиться четырьмя лошадьми, запряженными въ дышло, при чемъ, смотря по ширинѣ дороги, можно будетъ впречь всѣ четыре лошади въ рядъ или же двѣ въ корню и двѣ въ уносѣ. Къ тому же, число лошадей въ паркѣ не только не увеличится, но даже уменьшится, равно какъ и число самыхъ повозокъ; а именно: теперь все имущество подвижнаго парка размѣщается на 120 повозкахъ, для передвиженія которыхъ необходимо имѣть 360 лошадей, а при новой повозкѣ то же имущество размѣстит-

ся на 86 повозкахъ, для подъема которыхъ понадобится только 344 лошади. Дай Богъ только, чтобы намъ поскорѣе довелось наконецъ увидать введеніе этихъ улучшенныхъ повозокъ въ нашей артиллеріи.

Такимъ образомъ, вопросъ о парковой повозкѣ можно считать почти рѣшеннымъ; но не такъ-то легко рѣшить другой вопросъ — о замѣненіи двухколесныхъ зарядныхъ ящиковъ четырехколесными. Вопросъ этотъ особенно усложняется еще и тѣмъ, что онъ долженъ быть рассмотрѣнъ не только въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, но и въ тактическомъ. Главные недостатки, приписываемые нашимъ двухколеснымъ заряднымъ ящикамъ, заключаются въ томъ, что колеса составляютъ только двѣ точки опоры для груза, а третью точку опоры служитъ лошадь, которой приходится поддерживать часть груза и выдерживать всѣ толчки, претерпѣваемые повозкою, отчего лошадь весьма скоро дѣлается негодною для службы; кромѣ того, слѣдованіе по узкимъ дорогамъ нашихъ зарядныхъ ящиковъ съ троечною упряжью неудобно и управленіе тремя лошадьми ѣздовому, сидящему на крайней изъ нихъ, затруднительно. Ко всему этому можно было присовокупить еще многія другія неудобства, на которыя, неизвѣстно почему, не указано Артиллерійскимъ отдѣленіемъ; неудобства эти тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что они особенно усиливаются во время войны. Такъ, между прочимъ, въ случаѣ убыли лошадей, выѣздка новыхъ для троечной запряжки гораздо затруднительнѣе, чѣмъ для дышловоы; самая замѣна ѣзовыхъ тоже встрѣчаетъ весьма большія затрудненія.

Пропуская всѣ подробности сравненія двухколесныхъ ящиковъ съ четырехколесными, укажемъ только на окончательные результаты этого сравненія, выведенные Артиллерійскимъ отдѣленіемъ. Во первыхъ, въ техническомъ и матеріальномъ отношеніи, четырехколесныя повозки имѣютъ слѣдующія выгоды: при нихъ лошади страдаютъ менѣе, чѣмъ при двухколесныхъ, управленіе лошадьми удобнѣе, движеніе по гористой мѣстности и узкимъ дорогамъ удобнѣе съ четырехколесными повозками, чѣмъ съ двухколесными; наконецъ, принявъ три четырехколесныя зарядныя повозки на орудіе, въ нихъ можно имѣть болѣе зарядовъ, чѣмъ при трехъ же двухколесныхъ ящикахъ. За то, на каждое орудіе потребуется для возки зарядовъ. вмѣсто 9 лошадей, 12; при четырехколесныхъ повозкахъ, каждая лошадь ве-

зеть зарядовъ менѣе, чѣмъ при двухколесныхъ, за то грузъ, приходящійся на каждую лошадь, будетъ въ первомъ случаѣ болѣе, чѣмъ во второмъ.

Затѣмъ въ хозяйственномъ отношеніи четырехколесныя повозки крайне невыгодны, потому что крайне усложняютъ хозяйственную часть въ батареяхъ и въ летучихъ паркахъ, потребуютъ увеличенія рабочихъ средствъ въ арсеналахъ, увеличенія самаго помѣщенія въ артиллеріи. Но на все это можно бы, кажется, возразить, что рѣдкое нововведеніе обходится безъ пожертвованій, и лишь бы только оно было дѣйствительно полезно, такъ нечего жалѣть на него расходовъ. Особенно же мы рѣшительно не можемъ понять того заключенія, которое сдѣлано Артиллерійскимъ отдѣленіемъ о хозяйственныхъ невыгодахъ четырехколесныхъ повозокъ. «Можно, кажется, заключить—говорится въ отчетѣ — что въ хозяйственномъ отношеніи лучше и дешевле пожертвовать во время кампаніи всѣми коренными ящичными лошадьми, чѣмъ заводить четырехколесныя повозки.» Право, трудно понять, какъ это лучше и дешевле лишиться всей артиллеріи—потому что потеря всѣхъ коренныхъ ящичныхъ лошадей неминуемо должна повести къ тому—чѣмъ заводить четырехколесныя повозки, что хотя потребуетъ значительныхъ расходовъ, но не одновременно, а въ теченіе, пожалуй, даже нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ введеніе ихъ можетъ быть сдѣлано постепенно.

При разсмотрѣніи вопроса о замѣненіи двухколесныхъ зарядныхъ ящиковъ четырехколесными съ тактической точки зрѣнія, явное преимущество отдается первымъ, такъ какъ, при вторыхъ, батареи легко могутъ остаться безъ зарядовъ, и вообще снабженіе батарей при четырехколесныхъ повозкахъ затруднительно и не такъ вѣрно, какъ при двухколесныхъ ящикахъ; самое движеніе безъ дорогъ первымъ труднѣе, чѣмъ вторымъ; двухколесныя ящики легче укрыть за мѣстными прикрытіями, чѣмъ четырехколесныя повозки, и, наконецъ, послѣднія слишкомъ будутъ растягивать походныя движенія войскъ. Все это, пожалуй, въ нѣкоторой степени и справедливо; но вѣдь въ иностранныхъ артиллеріяхъ не слышно жалобъ на эти недостатки, несмотря на то, что за границую вездѣ введены четырехколесныя зарядныя повозки, что и побудило въ нѣкоторой степени и самое Артиллерійское отдѣленіе возбудить вопросъ о замѣненіи двухколесныхъ ящиковъ четырехколесными. Но нѣтъ, говорятъ,

что съ двухколесными зарядными ящиками вполне свыклась наша артиллерія, что и побудило Артиллерійское отдѣленіе признать выгоднѣйшимъ остаться при нынѣ существующихъ у насъ двухколесныхъ зарядныхъ ящикахъ.

Выставляя на видъ нѣкоторую медлительность въ дѣйствіяхъ бывшаго Артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета, справедливость требуетъ, чтобы всякій разъ вмѣстѣ съ тѣмъ было указываемо и на то множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые рѣшаются въ этомъ отдѣленіи. Такъ, изъ находящагося предъ нами отдѣла прошлогодняго отчета видно, какъ обширна была въ 1858 году дѣятельность отдѣленія по части однихъ только лафетовъ. Рассмотрѣны были измѣненія, которыя необходимо ввести въ полевомъ нашемъ лафетѣ, проэктированъ новый желѣзный осадный лафетъ для 24 и 18-фунтовыхъ пушекъ и для пудоваго единорога, испытываемы были: лафеты для береговыхъ орудій 3-пудовой бомбовой пушки, 60-фунтовой и новой 36-фунтовой пушекъ, устанавливаемыхъ на открытыхъ батареяхъ, а также и новый металлическій станокъ для проэктированной подпоручикомъ княземъ Гагаринымъ 1-пудовой стальной мортиры. Все это, вмѣстѣ съ разными другими занятіями отдѣленія, очевидно, должно было потребовать очень много времени и производило замедленія въ рѣшеніи другихъ весьма многихъ вопросовъ. Съ нынѣшняго года, медленность эта, вѣроятно, уже исчезнетъ, вслѣдствіе совершеннаго преобразованія Военно-Ученаго комитета. По новому положенію, Артиллерійское отдѣленіе сего комитета упраздняется, а вмѣстѣ его учрежденъ при Генералъ-Фельдцейхмейстерѣ временной артиллерійскій комитетъ, подраздѣляющійся по предметамъ занятій своихъ на семь специальныхъ комиссій. Надо полагать, что новый комитетъ, обладая большими средствами сравнительно съ прежнимъ Артиллерійскимъ отдѣленіемъ и, притомъ, состоя подъ прямымъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера, вѣроятно, окажетъ значительныя услуги нашей артиллеріи своею просвѣщенной дѣятельностію.

Въ отдѣлѣ ученомъ и техническомъ разсматриваемаго нами номера «Артиллерійскаго Журнала» помѣщено окончаніе лекцій, читанныхъ генералъ-маіоромъ Ферсманомъ, съ началомъ которыхъ мы уже отчасти ознакомили читателей «Военнаго

Сборника», разбирая № 3 «Артиллерійскаго Журнала» (*). Въ помѣщенной же въ четвертомъ номерѣ третьей лекціи, генералъ Ферсманъ разбираетъ только одинъ вопросъ—«о вѣроятномъ значеніи навѣснаго огня въ будущихъ полевыхъ сраженіяхъ». Что въ будущихъ полевыхъ сраженіяхъ навѣсный огонь будетъ играть весьма важную роль, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительность ружейнаго огня по необходимости заставляетъ сколь возможно болѣе искать разныхъ естественныхъ закрытій, а въ случаѣ неимѣнія ихъ даже возводитъ и искусственные; при этомъ не только передовыя войска въ боевыхъ линіяхъ, стрѣлковыя цѣпи, но даже и самыя резервы будутъ постоянно болѣе или менѣе укрыты отъ выстрѣловъ непріятельскихъ. Очевидно, что одного прицѣльнаго и рикошетнаго огня будетъ недостаточно для дѣйствія противъ войскъ, находящихся за закрытіями: необходимо нужно будетъ употреблять и огонь навѣсный. Уже въ послѣднюю Восточную войну, какъ видно изъ свидѣтельствъ, приводимыхъ генералъ-маіоромъ Ферсманомъ, чувствовали потребность въ навѣсномъ огнѣ, потому что представлялись случаи, когда въ полевыхъ сраженіяхъ навѣсный огонь могъ бы быть употребленъ съ большою пользою, но что если онъ не употреблялся, то единственно по неудобству и медленности дѣйствованія. Послѣдняя же кампанія въ Италіи, сколько намъ извѣстно, не представила ни въ одномъ сраженіи примѣра употребленія навѣснаго огня, несмотря на то, что характеръ самаго театра войны вполне долженъ былъ требовать его. Но это обстоятельство не можетъ еще быть приведено въ опроверженіе вѣроятнаго значенія навѣснаго огня въ будущихъ полевыхъ сраженіяхъ. Дѣла, происходившія въ Италіи, имѣютъ совершенно особый, исключительный характеръ. Въ нихъ не разъ представлялась для Французовъ возможность употребить навѣсный огонь для того, чтобы выбивить Австрійцевъ изъ сильно защищаемыхъ селеній; но Французы не любятъ терять времени въ перестрѣлкѣ: отчаянная храбрость зуавовъ и тюркозовъ или же желаніе гвардіи выказаться въ глазахъ императора и арміи постоянно рѣшали дѣло штыками прежде, чѣмъ артиллерія успѣвала приготовить успѣхъ своимъ огнемъ. Другое дѣло, если бы пришлось дѣйствовать наступательно Австрійцамъ: тогда, нѣтъ никакого сомнѣнія, они вполне развили бы все значеніе своего артиллерійскаго огня и, вѣроятно, успѣли бы

(*) Въ 8 № «Военнаго Сборника».

даже употребить при случаѣ и свои мортирные батареи, которыя послѣ 1849 года, въ видѣ постоянного учрежденія, находятся только при арміи, расположенной въ Италіи. Впрочемъ, батареи эти заведены были Австрійцами не для полевыхъ сраженій, а на случай, если бы имъ пришлось снова атаковать средне-вѣковые италіанскіе города. Вообще же говоря, трудно допустить, чтобы мортиры были когда нибудь приняты для постоянного употребленія ихъ въ полѣ, такъ какъ употребленіе это связано съ весьма важными неудобствами, а именно: изъ мортиръ нельзя стрѣлять картечью и прицѣльно, отчего онѣ не могутъ содѣйствовать собственной своей оборонѣ, и, сверхъ того, установка ихъ на мѣсто для стрѣльбы, а также накладываніе ихъ на повозку, по прекращеніи дѣйствія, требуютъ болѣе времени, чѣмъ сниманіе съ передка или надѣваніе на передокъ пушки или гаубицы. Но затѣмъ является вопросъ: если мортиры не могутъ быть употребляемы въ полѣ для навѣснаго огня, то какое же изъ полевыхъ орудій можетъ производить наиболѣе дѣйствительный навѣсный огонь? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ генералъ Ферсманъ, который, сравнивая дѣйствительность навѣснаго огня разныхъ полевыхъ орудій, нашелъ, что на разстояніи 336 сажень, въ квадратъ, стороною въ 15 сажень, изъ 100 снарядовъ попадаетъ:

Изъ $\frac{1}{2}$ -пудоваго единорога	15	гранатъ.
— $\frac{1}{4}$ — — —	14	—
— 12-фунтовой облегченной пушки	14	—
— 7-фунтовой прусской гаубицы	23	—
— 4-фунтовой нарѣзной пушки (*).	36	—

Результаты эти ясно показываютъ, что 4-фунтовое нарѣзное орудіе имѣетъ явное преимущество въ навѣсномъ огнѣ передъ всѣми прочими полевыми орудіями, и такъ какъ въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что нарѣзные орудія будутъ введены въ полевую артиллерію, то очевидно, что они и сдѣлаются главнымъ орудіемъ для дѣйствія навѣснымъ огнемъ въ будущихъ полевыхъ сраженіяхъ. Но замѣнить разомъ всѣ орудія нашей артиллеріи нарѣзными дѣло невозможное или, по крайней мѣрѣ, весьма трудно выполнимое; а

(*) Пушки эти испытываются и у насъ. Калибръ ихъ въ 3,42 дюйма; снарядъ пустотѣлый, вѣсомъ около 11 фунт.; полный зарядъ къ нему въ 1,5 фунта. Навѣсная стрѣльба производилась подъ угломъ возвышенія въ 17 градусовъ, при зарядѣ въ 24 золотника.

потому, вѣроятно, прежде всего ими будутъ замѣнены наши легкія орудія, батарейныя же и облегченныя придется еще оставить на нѣкоторое время. Поэтому-то, имѣя въ виду, что и этимъ орудіямъ будетъ приходиться надобность дѣйствовать навѣснымъ огнемъ, необходимо изслѣдовать, въ чемъ именно заключаются затрудненія и неудобства, встрѣчаемыя при производствѣ навѣсной стрѣльбы изъ $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ единороговъ и 12-фунтовыхъ облегченныхъ пушекъ, и какими мѣрами можно ихъ устранить. Изслѣдованіе это вошло также въ составъ лекціи генералъ-маіора Ферсмана и привело его къ предложенію нѣкоторыхъ средствъ, которыя, дѣйствительно, могутъ значительно упростить навѣсную стрѣльбу изъ орудій нынѣшней системы. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этихъ средствъ, которыя могутъ быть особенно интересны для однихъ специалистовъ, приведемъ только еще два практическія замѣчанія генерала Ферсмана относительно навѣснаго огня, заимствованныя имъ изъ германскихъ артиллерій, гдѣ постоянно обращали и обращаютъ особенное вниманіе на этотъ родъ выстрѣловъ. Въ этихъ артиллеріяхъ, на основаніи опыта войны, принимаютъ за доказанное, что отъ навѣснаго огня можно ожидать большаго успѣха только при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: а) когда стрѣльба производится противъ одного и того же предмета изъ довольно большаго числа короткихъ или длинныхъ гаубицъ и б) когда дѣйствующія орудія принадлежатъ особымъ гаубичнымъ батареямъ, а не взяты на поле сраженія отъ различныхъ пушечныхъ батарей.

Первое вполне понятно вслѣдствіе малой вообще дѣйствительности навѣснаго огня; второе же условіе проистекаетъ изъ того, что вообще для производства хорошей навѣсной стрѣльбы требуется болѣе искусства, чѣмъ для другихъ родовъ стрѣльбы, а искусство это пріобрѣтается въ особенности такими батареями, въ которыхъ навѣсная стрѣльба считается самою главною; притомъ же, батарея, составляющая одно цѣлое и подчиненная одному лицу, знающему всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, всегда будетъ дѣйствовать успѣшнѣе, чѣмъ сводная батарея. Эти-то выгоды, свойственныя батареямъ, состоящимъ изъ однихъ только гаубицъ, и побудили содержать подобныя батареи въ артиллеріяхъ австрійской, прусской, англійской, саксонской, голландской и шведской.

Изъ другихъ статей техническаго и ученаго отдѣла особен-

ное вниманіе специалистовъ должны обратить на себя: «Литье мѣдныхъ орудій въ Россіи» (окончаніе), Н. Шрамченка и А. Энгельгардта; «Описаніе электробаллистическаго маятника капитана Нове», Я. Луневского, и «О прицѣлѣ для навѣсной стрѣльбы изъ 12-фунтовой гранатной пушки, употребляемомъ въ саксонской артиллеріи», В. Лугнина.

Отдѣлъ библіографіи въ 4-мъ № «Артиллерійскаго Журнала» замѣненъ статью: «Обзоръ свѣдѣній, полученныхъ съ театра войны изъ Италіи», генераль-маіора Крыжановскаго. Цѣль этой статьи вполнѣ похвальная — ознакомить съ италіанскою кампаніею тѣхъ весьма многихъ артиллерійскихъ офицеровъ, которыя, стоя гдѣ нибудь въ деревнѣ или уѣздномъ городѣ, не имѣютъ средствъ и возможности составить себѣ даже приблизительно вѣрное понятіе о военныхъ событіяхъ, совершившихся уже въ Сѣверной Италіи. Талантъ генераль-маіора Крыжановскаго можетъ заранѣе служить ручательствомъ, что авторъ не ограничится однимъ сухимъ изложеніемъ фактовъ, а, вѣроятно, съ критическою оцѣнкою взглянетъ на эти военныя событія и рельефно выставитъ намъ, какую роль играла въ нихъ артиллерія. Такъ какъ при этомъ непременно должно встрѣтиться весьма много новыхъ данныхъ, относящихся до тактическихъ вопросовъ, то и намъ, вѣроятно, придется еще говорить объ этой статьѣ; въ разсматриваемомъ же нами номерѣ журнала помѣщено только начало ея, гдѣ дается понятіе о театрѣ войны, военныхъ силахъ обѣихъ сторонъ и описано только вступленіе французской арміи въ Піемонтъ. Къ статьѣ приложена весьма ясная и отчетливая карта всего театра войны.

Въ арміи, да и вообще въ обществѣ, весьма часто приходится слышать, что наши артиллерійскіе офицеры имѣютъ сравнительно съ армейскими несравненно болѣе средствъ для личнаго своего образованія, что у нихъ есть свои бригадныя библіотеки, что они постоянно могутъ получать и читать газеты и журналы и вообще слѣдить за всѣми современными новостями. Но—увы!—какъ горько разочаровались бы утверждающіе это, прочтя небольшую статейку въ 4 № «Артиллерійскаго Журнала»: «Зимовыя квартиры», г. В.—Конечно, батареямъ, стоящимъ въ городахъ, и особенно большихъ, очень хорошо; но вѣдь не надо забывать, что многія батареи стоятъ по деревнямъ, гдѣ иногда за нѣсколько десятковъ верстъ вокругъ нѣтъ ни одного помѣщика, съ которымъ бы можно было познакомиться и подъ-часъ прово-

дять у него время. Тогда-то, по словамъ г. В., офицеры на цѣлую зиму запираются въ своихъ хатахъ, какъ монахи, отрекаются отъ свѣта и дѣлаются совершенными дикарями. Выписывать книги нѣтъ никакихъ средствъ, а получать ихъ изъ бригадной библиотекы дѣло невозможное. «Двери библиотекы, говоритъ тотъ же г. В., часто осаждаются лицами, желающими чѣмъ нибудь заняться; но лица эти слышатъ всегда одни отвѣты: право, господа, въ библиотекѣ, кромѣ стараго хлама, ничего нѣтъ, а новые журналы и газеты всѣ разобраны. Спрашивается: кто же ихъ разбираетъ? батареи ихъ никогда не видятъ. Или не выдаются книги въ ожиданіи наступающаго смотра.» Грустная, непріятная картина, тѣмъ болѣе грустная, что она является результатомъ частной недобросовѣстности, тогда какъ со стороны правительства все дѣлается для достиженія возможно лучшихъ и полезныхъ результатовъ. Но что значать эти правительственныя мѣры, если онѣ не будутъ съ полнымъ рвеніемъ, добросовѣстно поддерживаемы частными дѣятелями? Къ чему поведутъ всѣ благія мѣры, принимаемыя для болѣе полного образованія офицеровъ, если потомъ это образованіе должно заглохнуть безъ пользы на зимовыхъ квартирахъ? а заглохнуть оно непременно должно, если не будетъ питаемо и поддерживаемо тѣми начальниками, вѣдѣнію которыхъ ввѣрены эти офицеры.

«ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ». *Книжка третья.*

«СОЛДАТСКАЯ БЕСѢДА», №№ 1, 2 и 3.

Странна бываетъ иногда участь вашихъ періодическихъ изданій: выйдутъ одна, двѣ книги, составленныя дѣльно, превосходно; статьи всѣ какъ на подборъ, одна лучше другой. Ну, вотъ, думаешь, журналъ поднялся, пойдетъ въ гору. Но—увы!—выходитъ слѣдующая книжка, просто и вѣрить не хочется, чтобы она прошла черезъ одну редакцію съ первыми двумя. Отчасти это и понятно: редакторы по большей части находятся въ тѣсной зависимости отъ своихъ сотрудниковъ; иной разъ нагрѣнетъ въ редакцію разомъ нѣсколько прекрасныхъ статей, иной же разъ просто хоть плачь—рѣшительно нечего помѣщать, а между тѣмъ, надо, во что бы то ни стало, выпустить въ свой срокъ слѣдующій нумеръ. Вотъ и приходится наполнять книгу Богъ знаетъ чѣмъ.

На подобныя мысли невольно навела насъ лежащая передъ нами третья книжка «Чтенія для Солдатъ». Увы! какъ далеко непохожа она на первыя двѣ книжки нынѣшняго же года. Со-

ставъ ея таковъ, что, кажется, безошибочно можно сказать, что солдаты врядъ ли прочтуть и четвертую долю ея. Чтобы подтвердить наше предположеніе, взглянемъ на составъ ея. Во главѣ стоитъ разсказъ: «Христіанскій подвигъ солдата». Цѣль этого разсказа вполне похвальная — показать, какую огромную пользу можетъ принести грамотность и въ особенности душе-спасительное чтеніе священнаго писанія. Но личность героя разсказа — простаго солдатика Ивана Степанова, до того идеальна, что невольно поражаетъ всякаго, а тѣмъ болѣе должна пора-зить самихъ же солдатъ, которымъ, вѣроятно, на своемъ вѣку никогда не приходилось встрѣчать ничего подобнаго. Читая этотъ разсказъ, мало-малыски смысленный солдатикъ непремѣнно замѣтитъ, что Иванъ Степановъ дѣлаетъ вещи совершенно непозволительныя. Онъ по цѣлымъ ночамъ просиживаетъ въ лазаретѣ у постелей трудно больныхъ и читаетъ имъ святое Евангеліе. Во первыхъ, солдату прійдетъ въ голову: при какомъ же освѣщеніи онъ читаетъ? Извѣстно, что въ лазаретахъ ночью горятъ лампы или ночники, при которыхъ не слишкомъ расчи-таешься. Во вторыхъ, подобное чтеніе должно крайне изнурять больныхъ, и поэтому въ каждомъ порядочно устроенномъ лазаретѣ никакъ не можетъ быть допущено дежурнымъ фельдшеромъ. Зачѣмъ же напрасно только мутить понятія солдата разсказами такихъ вещей, которыхъ онъ никогда не встрѣчаетъ на дѣлѣ? Этимъ только подрывается довѣріе солдата къ печатному слову и внушается ему мысль, что въ книгахъ помѣщаются лишь сказки, выдумываемыя разными сочинителями, для того, чтобы морочить народъ Божій. А разъ поколебавши въ солдатѣ это до-вѣріе, уже трудно будетъ, часто даже вовсе невозможно, снова возстановить его.

За этимъ идеальнымъ разсказомъ слѣдуютъ два другіе, со-вершенно въ иномъ родѣ: одинъ—«О военныхъ дѣйствіяхъ подъ Ахалцыхомъ въ 1828, 1829 и въ 1853 годахъ», а другой—«О томъ, что такое природа и какъ человѣкъ до всего доходилъ по-степенно». Первый изъ нихъ имѣетъ цѣлью дать понятіе солда-тамъ о доблестныхъ подвигахъ нашихъ войскъ въ Закавказскомъ краѣ, а второй—ознакомитъ читателей съ положеніемъ человѣка среди окружающей его природы. Въ обоихъ случаяхъ задача, весьма трудно выполняемая, и надо имѣть чрезвычайно много таланта, чтобы простымъ, незатѣйливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобопонятнымъ языкомъ, съ возможно большею занимательно-

стию передать самый рассказъ. Оба приведенные нами рассказа именно далеко не выполняютъ этихъ условій. Рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Ахалцыхомъ наполненъ собственными именами, которыхъ солдатъ нашъ и не выговорить, не даетъ никакого яснаго понятія о самомъ характерѣ театра войны и, въ добавокъ, наполненъ промахами, въ родѣ слѣдующихъ: «Турецкій шахъ» (стр. 31), «До 1828 года Ахалцыхъ, будучи окруженъ непроходимыми горами, служилъ убѣжищемъ разбойниковъ и удалцовъ Кавказа» (стр. 30). Рассказъ о природѣ нѣсколько лучше, но отличается необыкновенною сухостью, которая никакъ не можетъ прійтись по вкусу малоразвитыхъ еще читателей.

Что касается до статей: «О томъ, какъ ротный командиръ училъ свою роту цифирной мудрости», и «О разсыпномъ стрѣбѣ», то онѣ слишкомъ напоминаютъ солдатамъ скучные для нихъ пунктики, для того, чтобы составить пріятное чтеніе.

О комедіи «Чему быть, того не миновать», назначаемой для солдатскихъ театровъ, мы не станемъ говорить: она очень слаба.

Лучшія статьи въ третьей книжкѣ «Солдатскаго Чтенія»—это «Донской козакъ въ гостяхъ у англичанъ, историческая быль 1814 года», В. Савинова; «Самоваръ», рассказъ В. Даля; «О пчелахъ», «О кораблѣ», и «Всякое знаніе солдату пригодно, разговоръ на привалѣ».

Въ заключеніе нашего разбора не можемъ не сказать еще нѣсколькихъ словъ насчетъ сужденія «Солдатскаго Чтенія» о пьянствѣ. Объ этомъ предметѣ говорится и въ отдѣльной, небольшой статейкѣ и, сверхъ того, еще въ статьѣ «Солдатскій Собесѣдникъ». Странно, какъ въ одномъ и томъ же номерѣ такого журнала, какъ «Солдатское Чтеніе», могутъ встрѣчаться столь рѣзкія противорѣчія. «Солдатскій Собесѣдникъ» рассказываетъ между прочими вещами о составившемся въ западныхъ губерніяхъ обществѣ, или братствѣ трезвости и по этому поводу говоритъ слѣдующее: «Въ уставѣ этого братства помянуто семь текстовъ изъ священнаго писанія противъ пьянства, и умными людьми доказано, что спиртъ человѣку не нуженъ для подкрѣпленія силъ и здоровья его; что онъ вреденъ и тогда даже, когда употребляютъ его и въ незначительномъ количествѣ; что не пьющіе живутъ долѣе и избѣгаютъ много болѣзней; что спиртъ вреденъ даже для дѣтей пьющихъ людей. Кто пьетъ понемногу, тотъ скоро будетъ пить и много. Кто находитъ пріятность въ спиртѣ, тотъ можетъ считаться потеряннымъ, потому что скоро привык-

нетъ пить запоемъ. Спиртъ отнимаетъ у человѣка разумъ; пьющій человѣкъ становится вялымъ и сонливымъ, пренебрегаетъ своимъ хозяйствомъ, жилищемъ, дѣлается нищимъ и презрѣннымъ людьми». И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Теперь посмотримъ, что говорится объ этомъ же предметѣ въ статьѣ «О пьянствѣ». По мнѣнію автора статьи, пьянство имѣетъ три вида: *увеселеніе, опьянѣніе и осатанѣніе*. Перваго рода пьянство вполне дозволительно. «И бракъ въ Канѣ Галилейской — говоритъ авторъ — не обошелся безъ вина, и въ писаніи сказано, что вино веселитъ сердце человѣка, и князь св. Владиміръ-Солнышко сказалъ во время оно, что Руси есть веселіе пнті: стало быть, не вино виновато, а виноватъ тотъ, кто мѣры въ винѣ не знаетъ». Затѣмъ высчитывается, какія выгоды приобретаетъ человѣкъ, когда онъ немного только выпьетъ, «подрумянить себя маленько, раскуражится». Спрашивается: что жь подумаетъ солдатъ, когда онъ прочтетъ въ одной и той же книгѣ, что есть семь текстовъ священнаго писанія противъ пьянства и что умными людьми доказано, что спиртъ даже въ незначительномъ количествѣ вреденъ человѣку, и тутъ же въ этой же книгѣ увидитъ, что то же святое писаніе говоритъ, что вино веселитъ сердце человѣка.... и прочее? Станетъ ли онъ вѣрить печатнымъ книгамъ? Притомъ же, самъ авторъ статьи «О пьянствѣ», допуская употребленіе вина для увеселенія, говоритъ, что отъ увеселенія до опьянѣнія одинъ шагъ, а опьянѣніе и осатанѣніе такъ близко, что лучше оберегаться отъ обоихъ: къ чему же въ такомъ случаѣ восхвалять употребленіе вина до увеселенія, если оно непременно должно довести до осатанѣнія? Все это чрезвычайно сбивчиво и, еще разъ повторимъ, непременно ведетъ солдата къ недоумѣнію къ книгамъ; а при этомъ недоумѣніи, конечно, солдатъ не станетъ читать ихъ, не станетъ читать даже и такихъ книгъ, которыя бы дѣйствительно могли принести ему пользу. Вообще съ солдатами въ этомъ отношеніи надо быть столь же осторожнымъ, какъ и съ дѣтьми: взрослый иногда положится на то, что для дѣтей можно приводить объясненія какія нибудь, что все равно они не поймутъ ничего; а, между тѣмъ, это часто ведетъ къ ужаснымъ ошибкамъ: дѣти и вообще люди простые, необразованные, но имѣющіе природный здравый смыслъ, часто замѣчаютъ многое такое, о чемъ человѣку образованному и въ голову не прійдетъ; изъ замѣченнаго ими они составляютъ себѣ свои собственные понятія, на свой ладъ, и по-

томъ извольте-ка выбивать изъ нихъ головы эти понятія, вполне ими усвоенныя! Поэтому-то ни въ одномъ родѣ литературныхъ произведеній не требуется такой осторожности, какъ въ произведеніяхъ, назначаемыхъ для дѣтей или для солдатъ, тѣхъ же дѣтей, но только взрослыхъ.

Подобные недосмотры скорѣе всего слѣдуетъ приписать неосторожности редакціи, которая не должна допускать на страницахъ своего журнала столь рѣзкихъ противорѣчій. Въ этомъ отношеніи невольно приходитъ въ голову, что какъ было бы хорошо, если бы журналъ могъ обходиться вовсе безъ сотрудниковъ. Конечно, мысль эта почти невыполнима; но если бы это было возможно, то, по крайней мѣрѣ, тогда самый журналъ имѣлъ бы гораздо болѣе единства въ своемъ направленіи. Впрочемъ, при всей трудно-выполнимости этой мысли, мы, однако, встрѣчаемъ осуществленіе ея въ другомъ солдатскомъ журналѣ — «Солдатской Бесѣдѣ». Тамъ почти всѣ статьи принадлежатъ одному даровитому редактору этого журнала, оттого-то о самомъ изданіи можно вполне безпристрастно сказать: малъ золотникъ, да дорогъ. При разборѣ нашемъ «Солдатской Бесѣды» за прошлый годъ (*), мы сказали, что подождемъ съ нашимъ сужденіемъ объ этомъ изданіи, пока не появятся въ немъ узоры, которые обѣщаль редакторъ, говоря, что «сначала топоромъ, потомъ скобелемъ, а рѣзба да узоры — послѣднее дѣло». Оказалось, что узоры-то появились ранѣе, чѣмъ можно ихъ было ожидать, и, дѣйствительно, находящіеся передъ нами номера за нынѣшній годъ представляютъ собою рядъ статей, лучше которыхъ трудно и пожелать для солдатъ. О языкѣ, какимъ написаны онѣ, нечего и говорить: въ этомъ отношеніи смѣло можно сказать, что редакторъ «Солдатской Бесѣды» рѣшительно не имѣетъ себѣ не только соперниковъ, но и равныхъ въ нашей литературѣ. Но что главное — вездѣ въ этихъ статьяхъ видна мысль, ясная и понятная для самаго простаго человѣка. Статьи эти касаются весьма многихъ обстоятельствъ солдатской жизни, а, между тѣмъ, навѣрное можно сказать, что солдатъ прочтетъ ихъ безъ скуки, съ интересомъ, да, вѣроятно, еще не одинъ, а нѣсколько разъ. По крайней мѣрѣ, такое заключеніе мы имѣемъ полное право вывести изъ подлинныхъ отзывовъ гвардейскихъ солдатъ, которыхъ мы спрашивали, какъ имъ нравятся разные издаваемые для нихъ журналы. Общій отзывъ былъ тотъ, что

(*) Въ № 4 «Военнаго Сборника» за 1859 годъ.

«Солдатскую Бесѣду» они читаютъ болѣе всего, потому что она «какъ-то ближе всего имъ по душѣ приходится». А, между тѣмъ, журналъ этотъ очень мало говоритъ о доблестяхъ солдатъ, очень мало воскуриваетъ имъ энміалу, а, напротивъ, чаще всего побраниваетъ солдата. Это-то именно и нравится солдату: онъ видитъ себя на страницахъ «Солдатской Бесѣды» такимъ, какимъ онъ есть въ дѣйствительности, а вовсе не такимъ, какимъ хотятъ его пересоздать. Что можетъ быть, напримѣръ, върнѣе очерковъ «Слушаю и не могу знать», «Наши женитьбы», «Чертовщина», или «Слабосильные люди»? Вѣдь такія личности, какъ Елизаръ Лаптевъ, унтеръ Кашинъ и цѣлая компанія лоботрясовъ сплошь и рядомъ попадаютъ между нашими солдатами. И какъ поучительны всѣ эти рассказы, не заключая въ себѣ, между тѣмъ, ни малѣйшей сухости и однообразія. А напримѣръ, рассказъ «Доблестное народное дѣло», гдѣ говорится о распространеніи у насъ на Руси трезвости и о томъ вредѣ, какой происходитъ отъ употребленія водки: какъ далеко стоитъ эта статья выше всего, что по этому же предмету было написано «Солдатскимъ Читеніемъ»! Какъ логично, послѣдовательно и ясно доказанъ въ ней весь вредъ, причиняемый пьянствомъ для здоровья, общественной нравственности и общественному благосостоянію! А какъ ловко во всѣхъ этихъ статьяхъ дѣйствуется прямо на самолюбіе солдата! Ему не обѣщается только то, что начальство будетъ имъ довольно: нѣтъ, ему представляется въ будущемъ перспектива его отставки, когда онъ съ почетомъ вернется въ свое родное село и не станетъ зря безъ и пользы маяться по свѣту, а снова будетъ служить, уже на другомъ поприщѣ, Господу всеблаговому, Царю милостивому и всему любезному отечеству! «Видно и нашему брату-солдату пришла чередъ помогать дѣла поправлять», говорится въ статьѣ «Грамотность и знаніе». «Были мы мастера портить, Богъ дастъ и поправить съумѣемъ: обществу немного, признаться, корысти было въ отставныхъ солдатахъ, а теперь, пожалуй, что и до старости нужны будемъ». Эта мысль, вполнѣ справедливая, что солдаты, выучившись на службѣ грамотѣ и потомъ выйдя въ отставку и вернувшись на родину, могутъ сдѣлаться сельскими учителями, неоднократно проводится въ «Солдатской Бесѣдѣ» и, конечно, должна оказывать немаловажное вліяніе на самолюбіе солдатъ, возбуждая ихъ къ большому усердію въ занятіяхъ. Много бы можно было сдѣлать выписокъ изъ «Солдатской Бесѣды» для

подтверженія примѣрами, сколько здравыхъ, ясныхъ и вполне понятныхъ для солдата мыслей разсѣяно въ крошечныхъ книжкахъ этого изданія; но размѣры настоящей статьи, къ сожалѣнью, не позволяютъ намъ это сдѣлать. Однакожь, мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать одного мѣста изъ статьи «Грамотность и Знаніе», въ которомъ доказывается неправильность того взгляда, что будто бы мужику не слѣдъ учиться грамотѣ. Рассказавъ вкратцѣ исторію Ломоносова, чтобы показать, какъ изъ сына простаго рыбака, черезъ науку, человѣкъ этотъ сдѣлался всѣми уважаемымъ ученымъ, авторъ говоритъ:

«Вотъ до чего можетъ дойти каждый, кто усердно займется ученіемъ. А мужикъ ли онъ или баринъ, это какъ есть все равно: наука не разбираетъ, какой ложкой тебѣ во младенчествѣ кашу въ ротъ совали — серебряной или липовой; только ты полюби ее, науку-то, а она у тебя паспорта не спроситъ, кто-моль ты такой, она вся твоя.

«Да и то сказать, господа, отчего же мужику и не учиться? Не рука, говорятъ, не мужицкое дѣло! Пустяки, братцы! повѣрьте это нынче состарилось. Чтò значить слово мужикъ? Оно произошло отъ славянскаго слова мужъ, то есть человѣкъ, мужчина — вотъ чтò. Оно названіе честное и почтенное, Честный мужикъ, честный солдатъ, честный господинъ — все одно и то же, люди равно почтенные; а коли кто нечестенъ, такъ не пособить ему никакой на свѣтѣ титулъ и величанье — дрянъ человѣкъ, вся ему и честь. Для того-то и надо всѣмъ учиться, чтобы понимать, какъ слѣдуетъ, жить на свѣтѣ честно.»

Въ заключеніе выразимъ искреннее наше желаніе, чтобы «Солдатская Бесѣда» продолжала идти тѣмъ же путемъ, какой она выбрала; нѣтъ сомнѣнія, что войска вполне оцѣнятъ ея великія достоинства. Одно, чего отчасти нельзя не пожелать, это — чтобы она возможно увеличила свой объемъ; но если только вмѣстѣ съ этимъ связано хоть нѣкоторое ослабленіе достоинствъ журнажа, въ такомъ случаѣ лучше пусть она останется въ настоящихъ своихъ размѣрахъ, пусть лучше даже уменьшится въ объемѣ. Все же таки для солдатъ нашихъ, которые, вѣроятно, станутъ по нѣскольку разъ прочитывать ея статьи, она будетъ въ тысячу разъ полезнѣе и занимательнѣе, чѣмъ иныя, болѣе обширныя изданія.